

«Минувших дней войны святая память наша»

«...Такою всё дышало тишиной,
что вся земля ещё спала, казалось.
Кто знал, что между миром и войной
Всего каких-то пять минут осталось!...»

С.Щипачев

В начале июля 1941 года немецко-фашистские захватчики вторглись в пределы Ленинградской области, в состав которой входила тогда Псковская область.

В первых числах июля бои с фашистскими войсками уже велись на улицах Острова.

9 июля наши войска оставили Псков.

Захватив Псков, фашисты дали древнему русскому городу немецкое наименование – Pleskau.

Дивизии вермахта устремились к Порхову, и, расположенной в 25 километрах юго-западнее, станции Дно.

17 июля фашисты заняли Порхов, продолжая свое продвижение на восток в сторону Дно. Советское командование стремилось удержать в своих руках важный железнодорожный узел – «Дновский крест». Однако сил было очень мало.

В этот же день около полудня одной из моторизованных групп фашистских автоматчиков удалось прорваться к штабу обескровленного в боях 22-го Эстонского стрелкового корпуса, оборонявшего подступы к станции Дно. Часть фашистов подошла непосредственно к штабу корпуса с юга, откуда их никто не ждал и где не было вырыто ни одного окопа. Под командованием заместителя политрука радиороты 415-го отдельного батальона связи Арнольда Мери горсточка воинов в районе деревни Могилыцы, что в 2 километрах от Дно, вступила в бой с фашистскими захватчиками, которые пытались разгромить штаб 22-го стрелкового корпуса, и в течение нескольких часов отражала атаки противника. С горсткой бойцов



он занял оборону южнее командного пункта штаба. Пальба приближалась, становясь всё яростнее. Бойцы радиороты открыли меткий ответный огонь. Разгорелся ожесточенный бой. Огнем горстки отважных радистов противник был остановлен, Арнольд Мери был несколько раз ранен, но продолжал руководить боем. Враг потерял десятки человек убитыми, однако штаб захватить не смог!

За подвиг на подступах к городу Дно, за проявленные мужество и героизм Арнольду Константиновичу Мери первому из воинов-эстонцев 15 августа 1941 года было присвоено звание Героя Советского Союза.



Это событие было тщательно исследовано «Губернским автодесантом» под руководством Олега Константинова (главного редактора газеты «КурьерЪ. Псков-В.Луки) и подробно освещено мною в октябре 2018 гоау на 3-их краеведческих чтениях. А незадолго до этого рядом с местом боя горстки бойцов у развилки дорог Порхов-Дно и Дно-Искра при

активном содействии Председателя областного Совета ветеранов Николая Алексеевича Груздова и при поддержке Губернатора Псковской области Михаила Юрьевича Ведерникова, его заместителя Николая Юрьевича Цветкова, Главы дновского района Валентины Федоровны Тюриной был сооружен и открыт памятный знак посвященный подвигу Арнольда Мери...



19 июля 1941 года начались «черные дни» оккупации Дновского района фашистскими войсками.

(Из тетради воспоминаний Почетного Гражданина города Дно, связной отряда «Дружный» А.Ф.Ивановой)

«Трудно передать душевное состояние, когда я пришла в Дно. Мне было очень тяжело видеть наш милый городок таким необитаемым и разрушенным. Дено разрушено, склады сгорели, взорвана электростанция... Немцы вели себя завоевателями и ходили по нашим улицам героями. Везде висели приказы немецкого командования. Все запрещалось. За все – расстрел...



В Дно разместились военная комендатура, подразделения охранных войск, контрразведка Абвера, полевая жандармерия и тайная полевая полиция... Все эти службы заняли помещения Дновского отделения и

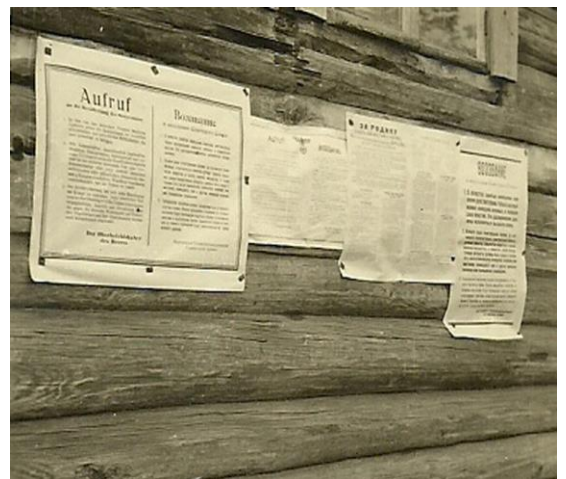
Политотдела Октябрьской ж.д., Дома культуры, других крупных зданий.

Многочисленные немецкие госпитали обосновались в школах ...

Не поднялась рука у дновцев взорвать гордость железнодорожного узла – Дом культуры железнодорожников, построенный в 1931

году. Огромное здание из красного кирпича, с несколькими зрительными залами, один из которых – Большой зал - с балконом, оркестровой ямой.

Оккупировав Дно, фашисты первым делом изуродовали памятник Иосифу Виссарионовичу Сталину, установленный перед Домом культуры с правой стороны. От памятника была отломана голова, вместо которой





варвары приделали голову лося, отломанную от чучела, которое стояло в уголке охотников.»

В минувшем году нам совместно с Олегом Константиновым удалось сделать еще одно открытие – по архитектуре здания Дома культуры железнодорожников. Об этом подробно было рассказано в газете «КурьерЪ».

Не исключаю, что на ближайших краеведческих чтениях это будет темой выступления.

(Из тетради воспоминаний Почетного Гражданина города Дно, связной отряда «Дружный» А.Ф.Ивановой)



«...До войны в Дно было очень много красивых построек. Очень интересно выглядел большой главный железнодорожный магазин Торгово-Производственного Объединения (ТПО) в центре города Дно на Базарной площади. Он был как сказочный домик с башенками...

...На улицах в южной части города, где были построены дома по проекту Степана Терентьевича Ковылкина, деревянные строения были как сказочные терема.



По этим улицам в довоенное время проходили парады физкультурников под местный духовой оркестр, проводились велопробеги. Теперь по этим улицам гордо, как хозяева, вышагивали фашистские солдаты...»

965 дней и ночей длилась оккупация города Дно и района немецко-фашистскими захватчиками...

* * *

Так уж случилось, что об этой, наверное, самой трагичной странице истории Дновского края заговорили в полный голос лишь спустя полвека...

В фондах Государственного архива новейшей истории Псковской области имеется следующий документ:



«Оккупировав гор. Дно в июле месяце 1941 года, немецкое командование организовало в бывших казармах артиллерийского дивизиона – лагерь военнопленных. Для их размещения было занято больше 15-ти крупных барачков. Вся территория лагеря была обнесена в несколько рядов густо-переплетёнными проволочными заграждениями.

В нем размещалось одновременно не менее 12-15 тысяч человек. Режим лагеря был рассчитан на изнурение и умерщвление голодом находящихся там военнопленных».

Это строки из Акта по расследованию зверств немецко-фашистских оккупантов на территории дновского района, составленный Государственной комиссией, под руководством главного судебно-медицинского эксперта Ленинградского фронта и округа, подполковником, профессором Андреем Павловичем Владимирским.



Военнопленные красноармейцы этого лагеря работали на восстановлении железнодорожного полотна на станции Дно, на полях «КоопСельхоза».

В период с лета 1941 года по зиму 1944 года от побоев, холода, голода, болезней, непосильного труда умерло не менее 21 000 советских военнопленных. Фашисты целыми подводами отвозили трупы умерших за городское кладбище на окраине города и сваливали их в огромные ямы – могилы, которые имели вид рвов длиной 20 м., шириной 4 м., глубиной 3 м. Таких рвов в мае 1945 года было обнаружено 13....

В конце 80-х годов прошлого столетия на территории Братских захоронений на городском кладбище, неподалеку от фактического места захоронения была установлена плита с надписью.



Еще один лагерь военнопленных, о котором нигде в документах не упоминается, но про который все дновцы, жившие в годы войны на оккупированной территории помнят и говорят, находился за городом Дно в сторону д. Скугры с правой стороны. О нём пишет и С.Мельников в своей книге «Дно».

Для проживания военнопленных там были установлены несколько дощатых барачков. Пленных, умерших в этом лагере, также возили хоронить за городское кладбище...

Также в фондах Псковского архива имеются документы о еще одном лагере военнопленных, расположенном неподалеку от города Дно.



«С первых дней оккупации г. Дно и района в июле месяце 1941 года немецко-фашистские захватчики организовали в местечке «Колотушино», что в 3-х километрах юго-западнее гор. Дно, лагерь военнопленных. Территория свыше 1500 кв.метров была обнесена двойной стеной густопереплетенной колючей проволокой. На этой территории располагались бараки летнего типа. Помещения сплошь

были забиты заключенными – военнопленными, охрана территории производилась не только обычными постами по границам лагеря, но и путем наблюдения со специально устроенной вышки. С первых же дней размещения для советских военнопленных был установлен специальный режим, рассчитанный на умерщвление изнурением, голодом и болезнями».



В лагере Luftlager 1 Дно содержались только военнопленные авиаторы. Пленных привозили даже из-под Сталинграда.

Непосильная работа на прокладке дорог, восстановлении и строительстве взлетно-

посадочных полос аэродрома, ликвидации последствий ночных бомбардировок аэродрома советской авиацией и голодный паек быстро сказывались на людях, и, спустя непродолжительное время нахождения в адских условиях лагеря, они доходили до полного истощения и умирали.



В 1995 году, в канун 50-летия Победы, по инициативе Главы Дновского района Груздова Николая Алексеевича и его заместителя Иванова Александра Яковлевича по моему эскизу, разработанному еще в 1988 году, на месте бывшего лагеря установлен мемориальный знак, состоящий из трёх металлических опор, обвитых колючей проволокой, символизирующий ограждение лагеря. На нем укреплена

мемориальная доска, на которой начертаны слова: «Идущий мимо, голову склони!»»

Были слова – трогательные, идущие из глубины души, звучали траурные мелодии. Гремели ружейные залпы салюта, к подножию мемориального знака

ложились цветы и гирлянды...



Весной 2011 года по инициативе Главы Дновского района Тимофеева Игоря Петровича при активной поддержке партии «Единая Россия» у дороги, ведущей к бывшему аэродрому Гривочки и лагерю военнопленных авиаторов в местечке Колотушино был установлен памятный камень. У его подножия бетонная плита, на которой рукой военнопленного выцарапана надпись. Эти камень и бетонная плита отображают факт гибели 25 000 солдат и

офицеров Красной Армии...



22 июня 1996 года в день 55-летия начала Великой Отечественной войны по инициативе редакции газеты «Дновец», где я в то время был главным редактором, игумен храма Архангела Михаила о.Алексий (Масловец) отслужил заупокойную литию на месте бывшего лагеря военнопленных

Luftlager 1 Dno и месте их захоронения, расположенном в одном километре восточнее лагеря. На этом кладбище находится 4 рва 100м. х 3м. и 10 рвов 5м. х 3м. (глубиной по 2м. каждый).

С тех пор долгое время, каждый год, в канун Дня Победы сотрудники редакции газеты «Дновец», дновского телевидения, работники Выскодской волости, учащиеся Выскодской школы приезжали на это место, наводили там порядок, вспоминали погибших бойцов...

В августе 2014 года ко мне приехал из г.Сочи поэт, композитор, исполнитель песен, прозаик и просто хороший человек Александр Сгадов.

Он приехал, чтобы поклониться месту гибели своего деда – заместителя командира авиа-эскадрильи капитана Александра Михайловича Петрова, погибшего в августе 1942 года в небе над рекой Полонка при выполнении боевого задания по нанесению бомбового удара по аэродрому Гривочки.

После того, как мы побывали с ним у памятного знака-креста на берегу реки Полонка, а потом у памятного камня воинам-военнопленным уже вечером, в нашей гостинице, у Александра родились первые строки стихотворения об этом святом месте.

Двадцать пять тысяч - землём похоронены.

Двадцать пять тысяч – солдат, сыновей.

Даже скелеты от пуль решечёные,

Свалены в кучу рукой палачей.

Двадцать пять тысяч - мальчишек голодных.

Двадцать пять тысяч - швырнула страна.

Как это подло: под танки колодой,

Если на двух трёхлинейка - одна.

Двадцать пять тысяч - невинно убитых.

Двадцать пять тысяч из плена - во рвы.

Двадцать пять тысяч - безвестно забытых.

Пленными были. Но кто ж всё же вы?

Двадцать пять тысяч. Собаки и немцы.

Двадцать пять тысяч. Работа и ад.

Двадцать пять тысяч - от смерти не деться.

Даже в плену был ты - русский солдат.

Двадцать пять тысяч. Какого же года?

Лагерный номер, фамилии нет?

Мир за колючкой. А смерть, как свобода.

Жалкий паёк и с опилками хлеб.

Двадцать пять тысяч равняли от бомбы

Взлётную полосу день, через день.

И восхищались пилотом «двугорбым»,

Кто поражал ночью взрывами цель.

Двадцать пять тысяч с конвойными в Гривочки -

Аэродром, что достался врагу.

Юнкерсы в небе и бомбы для питерцев,

Для Ленинграда в осадном плену.

Двадцать пять тысяч - ни званья, ни имени.

Время летит. Где же памятник вам?

Только лишь камень стоит на развилине-

Серый булыжник забытым бойцам.

Двадцать пять тысяч. Склоняю я голову.

Вы на сегодня – мои сыновья.

Сед, и не знал я о вас в прошлом смолоду.

*Но забывать своих пленных нельзя.
Двадцать пять тысяч - историей брошенных,
Где-то во рвах, без салютов Москвы.
Нет в этой памяти слова хорошего,
Что заслужили на бойне сыны.*

*Двадцать пять тысяч, питаюсь надеждою
В звоне церковей, верить в душу хочу:
Памятник сбудется с верою прежней.
Вам же распятым – я ставлю свечу...*

* * *



Войну начинают взрослые и сильные мужчины... А расплачиваются дети, женщины и старики.

Война и дети...

Как это страшно и несправедливо.

Дети и война несовместимы, как жизнь и смерть.

Но в 41-ом об этом не вспоминали.

Дети в годы войны сражались вместе со взрослыми на фронтах, переносили все тяготы жизни в оккупированных фашистами городах и деревнях, умирали от пуль, снарядов, от ран и болезней, от холода и голода.

*Ломтик черного хлеба
Слаще всяких конфет...
Хорошо, если было
Кое-что на обед.*

*Босоногое детство
Без игрушек и яств,
Жили все по-соседски
И компанией братств.*

Анна Кошечкина.

«Дети войны»

Среди тех, кто испил чашу войны, полную горечи, страданий, унижений, голода, побоев, одиночества и полной незащищенности, были и бывшие малолетние узники фашизма.

В годы Второй мировой войны на территории Третьего Рейха содержалась в лагерях 18 миллионов человек, причем каждый пятый из них был ребенком. Из каждых десяти находящихся в неволе детей уцелел только один — остальные, прослужив, сколько могли биологическим материалом, были уничтожены различными изуверскими способами.

Оставшихся в живых - навек объединила одна судьба, одна страшная строка в самом начале биографии.

Старшего поколения узников уже нет: время, к сожалению, неумолимо. А бывшие дети - сегодня пожилые, нередко тяжелобольные люди, с трудной послевоенной судьбой. Они и сейчас живут среди нас — скромные, не требующие к себе повышенного внимания.

До 1988 года о них, вынужденных участниках войны, побывавших в оккупации, в лагерях, в нашей стране намеренно молчали как об изгоях. Но у них было стремление выжить и остаться нормальными людьми, научиться жить для будущего.

И они выстояли!



Каждый из них живет за себя и за тех девятерых уничтоженных фашистами детей, словно извиняясь, что именно он уцелел в этой мясорубке.

Сколько судеб искалечила та проклятая война, а сколько девчонок и мальчишек уничтожила в фашистских лагерях, разбросала по всему белому свету. Никто никогда не узнает об этом, потому что ни одна Книга Памяти не смогла бы вобрать в себя эти списки в ПОЛНОМ ОБЪЕМЕ. И чего там греха таить: есть много забытых, нигде не учтенных фамилий. А те, кто выжили, пройдя через фашистскую неволю, могут ли они спать спокойно и не вспоминать, что было?..



Дети Дновского KINDERHEIM

На мирную жизнь Оли, родившейся в 1937 году, выпало всего 4 года. Ровно столько исполнилось ей, когда началась война. И все закружилось, завертелось перед ее детскими глазенками. Смерть самого близкого человека на земле – мамы, фашистский лагерь в Германии, освобождение и детские дома: один, второй, третий, четвертый... Как много прошло времени, прежде чем получила она свою первую зарплату, встретила человека, которому сказала: люблю.

Но всё это было потом..., потом...



... А тогда, в мае 1941 года, приехала Оля с мамой в Старую Руссу к своей тете (сестре матери) погостить.

Немцы оккупировали Руссу быстро, уже 9 августа город был «под немцем». Возвращаться домой не было возможности, и они, пожив в городе, переселились в деревню. Деревню бомбили, подожгли. В огороде у них, как у всех, была вырыта «щель» - туда и убегали в случае налета.

Так было и в тот раз. Мама, выбежав из горящего дома, забыла или не сумела выхватить сумочку с документами из-за иконы – всё и сгорело. И остались они, как говорится, голы и босы и без единой бумажки.

Из воспоминаний Оли:

«... Идем мы пешком с мамой домой в Струги Красные, откуда я родом. В одной руке крошечный узелок, а другая ручонка в маминой руке. Кормились, что Бог подаст, да люди добрые, побирались. Но приютить нас никто не рисковал – боялись, видать, люди чужаков, да, что их сейчас винить, сами все бедствовали.»

Путь наш лежал через Дно, которое было примерно на половине пути...»

Но тут случилась беда. 36-летняя женщина не выдержала испытаний, заболела и оказались они с маленькой Олей в больнице (*больница находилась в том же здании, в котором находится ныне железнодорожная поликлиника, расположенная в старинном красного кирпича постройке, самом старом, дореволюционном строении города, рядом с автостанцией – прим.авт.*).

Из воспоминаний Оли:

«... Кто-то сказал: выносите покойников. Я бросилась к саням – первой наверху лежала моя мама... Сани поехали по улице... Я побежала за санями, но силенок моих не хватало. Я бежала все медленнее и медленнее. И вот сани оказались уже далеко впереди, вот они скрылись за поворотом... Я пыталась бежать, но упала. Слезы застилали глаза... Маму похоронили где-то в Дно, но я не знала, где. Да и могла ли я тогда найти ту могилу?..»

Помнила Оля, как ее вместе с другими маленькими детьми-сиротами 4 – 8 летнего возраста поселили сначала в задней части (хлеву или конюшне) большого дома, который стоял окнами на базарную площадь. Позже детский приют для малышек разместился в частном доме на Трудовом переулке (*дом находился примерно на месте первого подъезда многоэтажного дома по Трудовому переулку, где после войны и до конца 70-х годов прошлого столетия находился дом Зуевых – прим.авт.*), куда тетя Ириша собирала по всему городу таких же как Оля, как ходили они по городу с жестяной баночкой для еды, и если немецкий повар давал поварешку макарон – это был настоящий праздник. А еще можно было порыться в помойках, где попадалась картофельная шелуха, которую можно было залить крутым кипятком и съесть...

Так прошел целый год...

Что же представлял собой этот детский приют?

Из записанных в 2009 году воспоминаний Анны Александровны Чилигиной, помогавшей тете Ирише в этом приюте, которая к началу войны окончила 7 классов школы.

«... Из тех военных лет сохранила память о беспризорных детях. У кого-то убило мать, кто-то приехал к бабушке на летние каникулы и не успел вернуться домой. Оборванные, худые, босые ходили они в поисках кусочка

хлебца. Не выдержало сердце у моей тети Ирины Арсентьевны Ильиной (родной сестры моей мамы). Стала она собирать ребятнишек под одной крышей.

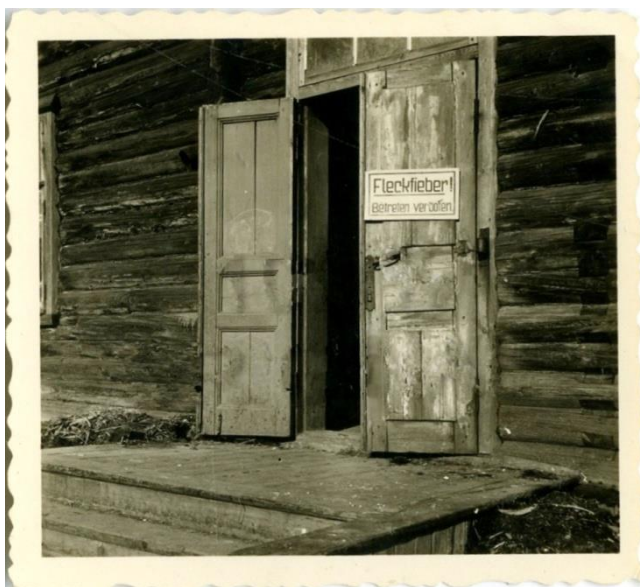
Сначала приютом был дом Сидельникова (на месте этого дома между улицами Володарского и Космонавтов в 50-е – 70-е годы находились три магазина ОРС-НОД-6, выходявшие фасадом на городскую площадь, называемые в народе «Три подряд». В 80-е годы там были расположены продовольственные ларьки дновских предпринимателей. А в настоящее время



строится магазин – прим.авт.).

Потом, когда семья беспризорников стала увеличиваться, переехали на улицу Карла Маркса, в дом №5. А еще позже заняли и дом по Трудовому переулку. С этого времени в приюте на Карла Маркса старшей была Нина

Константиновна, а на Трудовом переулке тетя Ириша.



Позднее немцы стали сами привозить сюда сирот и беспризорников, скитающихся по городу.

Иногда получали объедки, что оставалось в немецкой столовой. Но добывали питание, в основном, милостыней. Ходила с ними и тетя Ириша, отдельно, кто постарше был,

попрошайничали. Давали. Кто кусочек хлеба, кто конфетку, а были, кто «угощал» и подзатыльником.

Всё, что добывалось, дети приносили на общий стол. Казалось бы, прозрачные от недоедания, не выдержат, съедят, что дали. Но нет. Всё приносили, всё делили поровну.

Умирали, конечно. От голода, от того же тифа. Хоронили.

Был один случай. Не помню, то ли Витей его звали, то ли Володей. Подошел мальчонка к немецкой кухне. А лет ему было не больше пяти. Когда повар отвернулся, он взял баночку тушенки и отправился в приют кормить товарищей. Фриц, однако, заметил, что мальчик несет что-то, прижимая к груди. Окликнул: «Кляйн, ком цу мир, ком цу мир» («Маленький. Иди ко мне, иди ко мне» (пер. с немецк.) – прим.авт.). Малыш обрадовался, что даст дядя-фриц еще что-нибудь. Вернулся. Тот взял у мальчика руку и отсёк на ней палец. Праздник устроить не удалось...»

Под Новый 1943 год взяли девочку в одну семью, не удочерили, хотели чтобы выросла из нее домработница. Тех людей уже нет на этом свете. И хотя Оля звала их мамой и папой, ласки она не видела. Строги были и суровы ее приемные родители, особенно «мать». Жили они обеспеченно, не бедствовали и при немцах.

Перед освобождением города Дно (24 февраля 1944 года – прим.авт.) многих дновцев насильно угоняли в Германию. Но были и такие, кто ехал туда и добровольно, благо там обещали им райскую жизнь. Поехали туда и Олины приемные «родители», прихватив с собой корову и часть имущества. Однако в рай они не попали, а оказались в совмещенном лагере, где находились и гражданские пленные, и военнопленные – все за колючей проволокой. Корову у них сразу отобрали. Взрослых определили на работу, детей – на уборку территории.

Из воспоминаний Оли:

«... Жили мы в бараках. Питались в основном зеленью. Лакомством были яблоки-опадыши, если их удавалось добыть, подлезая под проволоку. Но были и добрые люди. До сих пор помню я одну учительницу, которая потихоньку обучала нас, ребят, азам грамоты. Однажды я провинилась, помыв ноги в недозволенном для русских месте. Мне грозили плетка и штраф, но удалось спрятаться, помогла та же учительница...»

В лагере в Германии прожила девочка 14 долгих месяцев. Их освободили американцы.

Осенью 1945 года вернулись в Дно. «Родители» практически сразу сдали ее в детский дом, что был расположен в Суках (ныне п. Дачное).

Из воспоминаний Оли:

«... Сколько было пролито слез – знаю только я одна. Однажды ночью убежала я из детского дома и пришла вновь к этим людям. «Мать» сказала, что возьмут меня из детского дома и написала директору записку. Как на крыльях летела я с этой запиской в детдом...»

Но воспитательница, прочитав ее, помрачнела, а потом и Оля прочла: «не отпускайте эту девочку никуда, следите за ней строже».

Из воспоминаний девочки:

«... Потом было несколько детских домов – в Пскове, Пыталово, а я все время просилась поближе к Дно. Хотела быть поближе к этим людям, надеялась, что они возьмут меня снова. Тогда в свои 8-9 лет я панически боялась остаться одна – одна на целом белом свете. Пусть будет плохо, но в какой-никакой семье, пусть на положении падчерицы, но дома, пусть только с именем Лёлька, но под крышей с людьми...

И я писала им письма и просила, просила, просила...

Просила, чтобы взяли меня...»

В 1947 году из Заклинского детского дома ее вновь привезли «домой». Здесь она закончила 3-й и 4-й классы, но вышло постановление правительства об обязательном 7-летнем образовании. «Родители» же ее учить не собирались. И снова девочка оказалась сначала в детском приемнике-распределителе, а потом в детском доме в Печорах.

А уже оттуда она получила «путевку в жизнь» - в Ригу учиться на ткачиху...

Так начиналась ее взрослая жизнь.

А потом была целина, возвращение в Дно, а здесь партийная, профсоюзная, руководящая хозяйственная работа.

В 1964 году нашелся ее родной брат Слава и родной отец.

...А имя этой женщины, которую в городе Дно знали практически все коренные жители, но не догадывались о такой ее судьбе – Ольга Ивановна Осикина.

Тяжелое у нее было детство. Не сыпалась манна небесная и потом. Но была семья, выросли дети, а потом уже и внуки. И сумела Ольга Ивановна

сохранить в себе доброе отношение к людям, то чувство дружбы и товарищества, которое зародилось в ней в те суровые годы.

Она никогда и ни о чём не плакалась и осталась жизнерадостным человеком, любящим жизнь такой, какой она есть.

... 30 апреля 2012 года ее сердце внезапно остановилось. Она не дожила до 67 Дня Победы всего девять дней. До самого последнего своего часа она не могла быть одна – она была всегда среди людей.

* * *

На Колю беды стали валиться в возрасте, когда он не мог еще давать оценку происходящим событиям. В 1937 году арестовали брата его матери Георгия Ивановича делегата XVII партийного съезда - «Съезда победителей» или, как его иначе еще называли позже, «Съезда расстрелянных» (*так как большинство его делегатов было репрессировано в годы Большого террора – прим.авт.*). Мальчику было шесть лет. Несмотря на то, что отец был офицером НКВД, тем не менее семью из Ленинграда выселили в Павловск, в маленький, на 10 квадратных метров, подвал керосиновой лавки, лишив при этом Ленинградской прописки. Там и жили вчетвером – мать, отец и два сынишки – Коля и Валя. Жизнь становилась тяжелее и тяжелее.



Из воспоминаний Николая Дмитриевича Маханова:

«... В июне 1941 года из Великих Лук приехал дядя. У него было направление в Ленинградскую больницу на операцию. В тот день мы с дядей ловили на речушке вьюнов. Возвращались с рыбалки довольные – улов был отличным. На площади увидели толпу горожан. Приблизились. Из рупора передавали сообщение о вероломном

нападении Германии на Советский Союз...».

Жизнь пошла ещё круче и непредсказуемее...

В середине сентября попытались доехать до Ленинграда. В Пушкине остановили. Немцы перерезали железную дорогу. Вернулись в Павловск. Оттуда ушли на станцию Новолисино...

Из воспоминаний Николая Дмитриевича Маханова:

«...Начались наши скитания от одного полустанка к другому. Дошли до Вырицы. Там приютила одна добрая старушка и дядя Харитоша. Но, правду говорят, беда не ходит одна, а зовет к себе другую. В декабре в Вырице фашисты расстреляли мать. Остались мы с Валею сиротами. Стали ходить по деревням просить милостыню.

Однажды в дороге выбились из сил. Проезжавший на санях мужик осмотрел нас, наши котомки и пообещал отвезти до ближайшей деревни. Как плату потребовал валенки с маленького Вали. Порылся в мешке, забрал кастрюльку и что-то из маминых вещей.

Это был не фашист. Это был русский!!!»

Пока Коля тащил босоногого братишку до одного из домов – тот отморозил ноги. Бабушка, что приютила ребятишек, гусиным салом растерла схваченные морозом кости и мышцы.

У старушки прожили до весны, а чуть пригрело – собрались в дорогу. В одном месте сказали, что на станции Уторгош набирают в Германию молодых людей, кормят. Добрались до сборного пункта. Утром надо было предстать пред очами начальства. Закрыли их в сарае. Ночью сарай загорелся. Удалось удачно выбраться.

На станции Уторгош полицаи из местных жителей приказали залезать в теплушки. Там уже много было бездомных пацанов.

Ехали с конвоиром. Звали его Котта. Был он добродушен, уже в годах, полный, немец по национальности. Рассказывал, как хорошо у них в Германии, ругал русских людей, которые выдают друг друга, предают своих же.

Из воспоминаний Николая Дмитриевича Маханова:

«...Состав остановился не доезжая станции Дно, на разъезде 241 километр.

- Дядя Котта, - попросил я, - можно схожу хлеба попрошу.

- Бери братика. Сходите. Может и дадут.

По дороге попала женщина. Посоветовала:

- Бегите в Филиппково, тут недалеко. Там у полицая свадьба. Народу тьма тьмущая! От еды столы ломаются. Бегите туда!..»

... Таких блюд они никогда и не видели. Никто не прогнал. И они ели и ели. Желудки стали полные, а им все хотелось и хотелось. Возвратиться к эшелону братья не смогли – объелись. Потом их отпаивали травами, пока на ноги не поставили. А как поставили, так и выпроводили. Посоветовали обратиться в комендатуру, которая находилась в Дно на улице 10-летия Октября (это здание на улице Ленина, дом 5 сохранилось до сих пор, оно не перестраивалось и после войны. До войны в нем находилось Дновское отделение и Политотдел Ленинградской железной дороги. В послевоенное время в нем размещались Линейный отдел внутренних дел, Кондукторский резерв и некоторые цеха Дистанции сигнализации и связи – прим.авт.).

Ни в какую комендатуру братья не пошли, а стали скитаться по городу, искать съестное на немецких помойках, где и познакомились с такими же мальчишками и девчонками из приюта тети Ириши (Ирины Арсентьевны Ильиной).

Из воспоминаний Николая Дмитриевича Маханова:

«...Так мы и попали в приют тети Ириши. Мы жили коммуной. Кто где что-нибудь добывал – приносил в общий котел. Подавали мало. Крали, где можно было, стараясь наказать немцев. Однажды меня поймали – спер у фрица часы. Отправили в лагерь военнопленных в Скугры. Строили дорогу на Сольцы. Кормили плохо – похлебка из непромытых кишок зарезанных животных.

Порядок у немцев был жесткий: 50 минут работы, 10 – отдыха...

Как-то военнопленные сказали:

- Вы-то за что здесь погибаете? Нас поймут – расстреляют, а вы дети – никто не обратит внимания, если убежите.

Во время одного «перекура» рванули оттуда...»

(В упомянутом выше лагере находились советские военнопленные из числа солдат. Лагерь находился на полях «Коопсельхоза «Дновский Массив»

в конце улицы Социалистической на выезде из Дно. Практически напротив канализационно-насосной станции через дорогу. Военнопленные советские офицеры находились в Дно в лагере, расположенном в квадрате, ограниченном нынешними улицами Коммунистическая, Мельничная, Бульвар, здание военкомата – в бывших довоенных казармах артдивизиона. Руководство этого лагеря проживало в домах на Бульваре – прим.авт.).

Но в 43-м году немцы уже стали собирать шатающихся по городу ребят и размещать в созданные ими приюты для дальнейшей отправки в Германию. Один из таких приютов (городской приют), переселенный из деревни Ручьи, размещался на углу улицы Карла Либкнехта и Судебного переулка (*на этом месте в настоящее время расположено помещение «Роспотребнадзора» и «Санитарно - эпидемиологической службы – прим.авт.)*). В него и попали Николай и его братишка Валя.

Заведующая, по кличке «Гусыня» появлялась редко, на ночь уходила домой, детишек закрывала на замок, а как воспитательную науку признавала только мордобой. Больше всех доставалось Коле – он был постарше. Один раз она ему так «засветила», что он своим худеньким задом выбил две оконные рамы.

Из воспоминаний Николая Дмитриевича Маханова:

«...Много в том Ручьевском доме было ребятшек в возрасте от года и постарше. Ночью они всё время канючили : «Со-со, со-со». Не выдержал я однажды, сорвал запор с кладовой и напоил малышкой молоком. Директриса за провинность била меня без жалости. Руки у нее были крепкими. С синяками ходил недели две. Но в ту же ночь я ушел скитаться – дело было привычное»

С другом Витей сбежали из приюта, устроились в типографию (*она находилась на улице Калинина, на месте дома №22 – прим.авт.)*, в которой печаталась немецкая газета «За Родину, распространявшаяся не только в деревнях на территории Дновского района, но и близлежащих районов. Мотали и носили бумагу. Спали на ней же в сарае. Через некоторое время немец выгнал ребят с работы – обнаружил на руках «цыпки», подумал, что чесотка.

Из воспоминаний Николая Дмитриевича Маханова:

«...Стали в немецком складе, который располагался в здании довоенной школы №50, перебирать картошку. Жили в одной помойной яме возле «Дома Коммуны» (в настоящее время на этом месте построен многоквартирный дом по улице Строителей, дом 12 – прим.авт.), которую почему-то не заполняли отбросами.

Плохо было, что поизносились – из дырявых разбитых ботинок торчали пальцы. Правда, как обновить гардероб, знали. Видели, что по Невской улице от переезда в сторону железнодорожной бани возят обувь. Там за баней, в одной из построек была дезинфекционная камера, где обрабатывали одежду и обувь. Сообразили, как стаскивать из кузова сапоги. Из жесткой проволоки сделали крючок. И в первую же вылазку «выудили» несколько пар сапог. Побежали примерять в подвал разбитого бывшего магазина Транспортного Потребительского Общества (ТПО) «Спайка», который располагался на базарной площади. Долго радоваться не пришлось. Сверху рывкнули в два голоса немецкие жандармы: «Хендехох!».

И прямо по улице Володарского повели в полицейский участок. Посадили в камеру, расположенную в здании из огромных валунов, продержали трое суток...» (полицейский участок находился в здании, в котором после войны в размещался Дновский районный отдел внутренних дел, по адресу улица Володарского, дом 11. Камеры находились в помещениях складов дновского НЭПмана. Начальник полиции по фамилии Шкуро проживал неподалеку от полиции – в доме 3 по улице Карла Маркса. Неподалеку от полицейского участка находилась так называемая газовая камера, в которой пытали пленных. Она находилась в складе другого дновского НЭПмана, расположенном за нынешним помещением Центра занятости населения, расположенном по адресу улица Володарского, дом 5 – прим.авт.)

И вновь на выручку пришла тетя Ириша из второго Киндерхейм (Kinderheim). Она вымолила отпустить ребят.

К тому времени этот частный приют разросся, и занимал уже два дома: один на улице Карла Маркса, дом 5 (этот приют был для ребят постарше и в нем руководила Нина Константиновна, учительница из Ленинграда. У неё было двое детей – Люся и Костя. Воспитателем была беженка Берта, а

поварихой Женя – беженка из Старой Руссы – прим.авт.). Другой приют был для малышей 3 - 9 лет и располагался он на Трудовом переулке. В приюте для малышей руководила тетя Ириша.

Дом №5 по улице Карла Маркса, в котором находился приют, до настоящего времени остался целым. Дети отстояли его от огня (прибили к дому табличку, что здесь находятся больные тифом. А немцы страшнее смерти боялись тифозников – прим.авт.). Причем завхозу тете Берте удалось спасти и гусей и поросят, которых в подвале держали. А вот корову фашисты в феврале 1944, буквально накануне освобождения Дно, зарезали. Плакали детишки в голос, на коленях просили, чтобы оставили кормилицу. На 90 детей *(столько детей содержалось в двух приютах – на улице Карла Маркса и Трудовом переулке – прим.авт.)* она была одна. В конце 1943 года для поросят и гусей натаскали много корму – из разбитого эшелона весь Бульвар был усыпан. Кроме зерна из сгоревшей хлебопекарни *(находилась на месте, где сейчас расположена контора Дновской дистанции гражданских сооружений (НГЧ-9) – прим.авт.)* вынесли несколько мешков муки. Операциями командовали руководитель приюта Нина Константиновна и тетя Берта.

Всех детишек школьного возраста немцы обязали ходить в школу, которая была неподалеку от фабрики-кухни в здании бывшего родильного дома *(располагался по улице Коммунистической за железнодорожным общежитием ориентировочно на месте жилых домов электростанции – прим.авт.).*

Из воспоминаний Николая Дмитриевича Маханова:

«...Изучали немецкий язык, математику, Закон Божий и русский язык. Неуспевающих по немецкому языку строго наказывали. В городской управе (находилась на месте нынешней гостиницы, по ул. Советской) была комната для экзекуций. Снимали штаны, клали на лавку, привязывали ремнями и стегали. Десять плёток, от которых вздувалась кожа, а иногда и лопалась.»

Во время оккупации пришлось приютским детишкам испытать немало лиха. Раз в неделю брали у детишек кровь для немецких раненых солдат. Не раз лупили их кулаками, избивали вожжами. А иногда собирали несколько парнишек вокруг бака с фасолью и мясом. Фотографировали. Пока немцы

щелкали фотоаппаратом, ребята успевали достать несколько пригоршней каши, которую тут же несли в приют.

Довелось приютским ребятишкам отведать и хлеб-соль, преподнесенные генералу-изменнику Власову, который посетил город Дно 2 мая 1943 года.

Из воспоминаний Николая Дмитриевича Маханова:

«...С самого утра стояла солнечная ясная погода. Только что, 25 апреля, была Пасха. Мы знали, что 2 мая в Дно должен был приехать генерал Власов, чтобы выступить перед жителями города. Еще накануне, 1 мая на городской площади построили высокую трибуну-помост. (городская площадь находилась на месте нынешних братских захоронений и памятника Ленину в городском сквере. Трибуна была возведена на месте нынешнего памятника – шасси самолета – прим.авт.).

Где-то к полудню на площадь стал собираться народ. Сотрудники городской управы стали раздавать дновцам листовки с призывами Власова. Подъехала красивая легковая немецкая машина. Из нее вышел сухопарый, под два метра ростом человек в очках. К нему сразу подбежал с хлебом-солью Глава городской управы Жуковский, который проживал неподалеку в самой управе.

Отломив маленький кусочек и обмакнув его в соль, генерал Власов положил его в рот и медленно поднялся на трибуну. Вместе с ним поднялись и городской глава Жуковский и редактор газеты «За Родину», издававшейся в Дно, Хоменко, который, как было видно, особо тепло и преданно смотрел на Власова. Находились на трибуне и другие люди. Хлеб-соль были поставлены на низенькую подставочку за трибуной.

Никто тогда не обратил внимания на двух снующих под ногами пацанов. Никто их не прогонял... Но после митинга оказалось, что хлеб-соль из-за трибуны исчезли...»

А в это время, когда генерал Власов, приехавший в Дно со своей свитой и десятка полтора его сторонников, приглашенные на обед в штаб авиационной части, где было отведено и помещение для недавно созданной Русской Освободительной Армии (РОА), расположенный в кирпичном,

двухэтажном здании со светлыми, просторными помещениями по улице Дновской, дом 43 (*перед войной там располагалась школа №1, а в настоящее время на этом месте находится Гимназия, по адресу улица Петрова, дом 55 – прим.авт.*) предавались наслаждению от вкушаемой пищи, несколько десятков голодных ртов жевали каравай, распотрошенный за одну секунду... О, какой это был хлеб! Настоящий!!!

... Советская Армия вела наступление стремительно.

Из воспоминаний Николая Дмитриевича Маханова:

«...В те ночи никто из детдомовцев не спал. Ждали, когда наступающая Советская Армия выбьет фашистов из опорных пунктов. Числа 22-23 февраля стало ясно, что и сами немцы не верят, что смогут остановить наступление наших войск. Мимо несколько десятков армейских солдат проследовали в сторону железной дороги. Мощные кони-битюги катили тяжеленные пушки. Лошадей поторапливали зычными голосами и хлесткими ударами плеток. Уносили ноги фрицы, но только вряд ил далеко ушли. За сутки до этого начали фашисты жечь дома в городе. В командах было по три человека. Один разбивал окна, второй расплескивал внутрь какую-то жидкость, третий бросал спичку. Улицы города за минуты превращались в факелы.

О том, что освобождение было не за горами, понимали все. С аэродрома Гривочки, расположенного неподалеку от Белошкино 21 февраля поднялась в воздух летающая армада бомбардировщиков и взяла курс в сторону Ленинграда... Казалось, затмение наступило. Всё это поднялось и направилось вдоль железной дороги. Видимо, поднимали в воздух железнодорожное полотно дороги. В Дно уже не сели. Через час или два со стороны аэродрома раздались два мощнейших взрыва, а потом множество чуть слабее. Летчики уничтожили аэродром Гривочки.

Когда стало ясно, что к городу подступили наши войска, тетя Берта сказала мне: «Беги, Коленька, за братиком. Уж если придется умирать, то вместе.»

Валя остался в другом приюте, в Ручьевском (на углу улицы Карла Либкнехта и Судебного переулка – прим.авт.). Мчался будто на парусах. По улицам уже рвались снаряды.

На следующий день побежали к железнодорожному переезду встречать первые танки. Один остановился. Из люка кто-то крикнул: «Давай на броню, хлопцы». Обнял нас, подбодрил: «Не горюйте, что сожгли вам все изверги. Вернёмся – дворцов вам понастроим».

До сих пор Николай Дмитриевич все думает, удалось ли вернуться тем молоденьким танкистам домой. Живы ли они остались в той пучине войны?..

А после освобождения города Дно был Николай Дмитриевич и в партизанах, хотя и было ему всего 13 лет. А после «партизанства» снова детдом в Ораниенбауме. Но на вид-то тем пацанам было можно дать и 17-18 лет. Да и «на подвиги» тянуло. Скучная жизнь в детдоме была. А хотелось и подвигов, и романтики.

Как-то от взрослых услышал, что живут в Америке, как в раю – там, якобы, в море вываливают пшеницу, молоко выливают туда же, потому что люди съесть не успевают. Узнал, что в эту сказочную страну можно попасть из Одессы морями на корабле..

Из воспоминаний Николая Дмитриевича Маханова:

«...Бежать решили втроем – я, Жук и Василёк. У меня было два прозвища – Хлюст и Сержант. Я был среди них самый «битый». Перед «походом» запаслись продуктами – опыт у меня был. Обманув контролеров, доехали до Новосокольников. Вылезли. Еда закончилась. Но нам повезло. На путях на станции Новосокольники стоял эшелон, который в Одессу отправлялся. Катера сопровождали моряки. Они к нашей судьбе отнеслись по-братски. Взяли. Всю дорогу прятали. В Одессе попрощались.

Пошли, перелезли через колючую проволоку. Проникли на территорию порта, где нас и остановили: «Стоять! Куда идете?». Мы им: «В Америку!».

Задержавший, привел нас в отдел милиции, объяснил, что мы «американцы». Никто не верил, что мы пересекли почти весь Советский Союз с севера на юг. По их мнению, снять нас с поезда давно должны были.

Когда из Ораниенбаума из детдома пришло подтверждение, что мы действительно те, за кого себя выдаем, отправили нас обратно в сопровождении милиционера. Наша встреча с Америкой не состоялась...»

А потом была работа на электростанции электромонтером, кочегаром паровоза, служба в рядах Вооруженных Сил.

Вернулся в Дно. И всю свою жизнь до выхода на пенсию проработал в паровозном депо кочегаром, помощником машиниста, машинистом...

В субботний декабрьский полдень 2017 года над городом Дно стоял многоголосый стон тепловозных гудков. Так дновские машинисты по давно сложившейся производственной традиции прощались с ветераном-машинистом Николаем Дмитриевичем Махановым, сердце которого остановилось 14 декабря на 88-ом году жизни.

Свой детдомовский характер он пронес через всю жизнь – никогда не оставлял в беде слабого, всегда готов был поделиться с голодным куском хлеба, никогда ни перед кем не вставал на колени и не унижался перед сильными мира нашего.



На таких как эти дети и держалась земля наша...

...На склоне лет с орбиты размышлений и воспоминаний и Ольга Ивановна, и Николай Дмитриевич Маханов часто видели во сне своих товарищей по Дновскому Киндерхейму и благодарили судьбу, что им удалось

попасть именно в этот детдом, именно к тётке Ирише, которая спасла их смерти, заменив им родителей.

Войдя во взрослую жизнь все они стали патриотами своей Родины...

Сравнивая детство свое и теперешних ребятишек, дети военной поры опасаются одного – лишь бы войны не было. Вошла бы в спокойное русло жизнь, чтобы молодое поколение могло созидать, а не разрушать. А чтобы будущее было светлым, нельзя забывать прошлое, которое помнится им до мельчайших подробностей. **Низкий Вам всем поклон!**

Литература:

- Фотография «Немецкие солдаты на улице города Дно Псковской области» (слайд №7 слева) <http://waralbum.ru/173260/> ;
- Фотография «Вид разрушенных домов. Ленинградская область, г.Дно» (слайд №27) - фото Эварт Е.Ф. <http://photoarchive.spb.ru/showObject.do?object=2579563086> ;
- ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ ФОТОГРАФИИ, приобретенные на аукционах eBay.com и molotok.ru, а также полученные в дар от жителей г.Дно и района, из личного домашнего архива коллекционера и краеведа г.Дно С.В.Егорова;
- Die Deutsche Wochenschau №568 «Немецкий киножурнал № 568» от 23 июля 1941 года. (отрывок с 30:29 мин. до 33:00 мин.) <http://mumiputz.ucoz.ru/publ/11-1-0-200> ;
- «Подвиг длиною в 70 лет». Жизнь и судьба Героя Советского Союза Арнольда Мери. Документальный фильм. Автор сценария Николай Печатнов, режиссер Олег Беседин, оператор Алексей Куликов. AV Media Group – фильм. 2009 г.;
- Сюжет передачи «ЖДИ МЕНЯ» 07.04.2008. <http://poisk.vid.ru> ;
- Кобзон И. «Память», музыка Микаэла Таривердиева, слова Давида Самойлова. <https://music.yandex.ru/album/2216100/track/19683365> ;
- Утесов Л. Марш из к/ф «Веселые ребята». <http://www.audiopoisk.com> ;
- Шостакович Д.Д. Симфония №7 Ленинградская (Нашествие). <http://plus-music.org> ;
- Песня «Защитник», автор слов и музыки А.Сгадов. Памятный концерт «Шкатулка памяти» 15 августа 2013 г. в районном культурном центре г.Дно. Авторский диск.

- Тетрадь с собственноручно записанными воспоминаниями Александры Фёдоровны Ивановой. Ленинград – Дно, 1985 г. (из личного домашнего архива коллекционера и краеведа г.Дно С.В.Егорова);
- «Непокоренная земля Псковская» Документы и материалы. Составители Я.Н. Альмухамедов, А.П.Арсеньева, Г.Р.Рафельсон, Е.К.Фузинсан. Лениздат. 1976 г.;
- Книга Памяти. Псковская область. Том 13. Дедовичкий, Дновский районы. Историко-документальная хроника. Издательство организационно-методического центра. Г.Псков, 1994 г.;
- С.Мельников. «Дно». Лениздат, 1989 г.;
- Г. Сапожникова и др. «Арнольд Мери: Последний эстонский Герой. Судьба человека как путеводитель по новейшей истории». Таллин. Impressum; SKP Media. 2010 г.;
- Документы Чрезвычайной Государственной Комиссии. ГАНИПО, ф.1219, оп.1, д.95, л.л. 39, 40, 41, 42, 43; ф.1219, оп.39, д.316, л.л. 133, 192;
- А.Сгадов. «Двадцать пять тысяч...». <http://www.stihi.ru/2013/08/28/5306> ;
- С.Щипачёв. «22 июня 1941 года». Путешествие в страну поэзия. Лениздат, 1988 г.;

- С.Лудонин. «Детдомовский характер». Газета «Дновец» № 33 (10832) 25 апреля 2001 г.;
- Н.Маханов. «Тот день мне не забыть никогда...». Газета «Дновец» № 17-18 (10916 - 10917) 22 февраля 2002 г.;
- Л.Калинина. «Детство, опаленное войной». Газета «Дновец» №30 (10546) 11 апреля 1998 г.;
- А.Чилигина. «В те далекие годы». Газета «Дновец» №43 (10559) 03 июня 1998 г.